

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Вопросы толкования и исполнения Договора о Шпицбергене 1920 года

*Вылегжанин А.Н.**

90-летие Договора о Шпицбергене не устранило различий в его толковании Норвегией и другими государствами – участниками Договора, особенно его положений о суверенитете Норвегии над островами и о договорных условиях осуществления такого суверенитета. При анализе этих различий в статье приоритетное внимание уделено правовому режиму акваторий в районе действия Договора, прежде всего отличию между созданным Договором понятием «территориальные воды Шпицбергена» и территориальным морем Норвегии (у ее материкового побережья). В таком контексте рассматриваются попытки Норвегии доказать, что эти отличия устранены последующим развитием международного морского права. Созданная норвежскими юристами теоретическая конструкция лежит в основе притязаний Норвегии и на другие морские зоны ее национальной юрисдикции вокруг Шпицбергена, в т.ч. на 200-мильную рыбоохранную зону и континентальный шельф.

Ключевые слова: Договор о Шпицбергене; суверенитет на договорных условиях; территориальные воды Шпицбергена; территориальное море Норвегии; притязания на континентальный шельф; район действия Договора о Шпицбергене.

В текущем, 2010 г. исполняется 90 лет уникальному договорному режиму, созданному для государственной территории равного

* Вылегжанин Александр Николаевич – д. ю. н., профессор, вице-президент Российской ассоциации морского права. sopspravo@mail.ru.

пользования государствами-участниками – островов Шпицберген. С вступлением в силу Договора о Шпицбергене 1920 г. произошло кардинальное изменение статуса этих островов, ранее определенного обменными дипломатическими нотами 1871–1872 гг. между Россией и унией Швеция–Норвегия¹.

По смыслу этих нот шведско-норвежское правительство решило, с учетом позиции России, «отказаться от проекта завладения этой группой островов». Возражение России против распространения суверенитета Швеции–Норвегии на острова Шпицберген обосновывалось рядом факторов, в т.ч. тем, что «русские подданные с незапамятных времен бывали» на Груманте (Шпицбергене) и «создавали там неоднократно... стационарные поселения» и что нет оснований менять этот «порядок вещей, сложившийся на протяжении многих веков»².

Но менее чем через 50 лет изменение последовало, проект завладения островами Шпицберген лишь одним из двух соседних государств был реализован. Парижским договором о Шпицбергене 1920 г. предусмотрен «полный и абсолютный суверенитет Норвегии над архипелагом Шпицберген», хотя и только «на условиях, предусмотренных» этим договором.

К 90-летию Парижского договора приходится констатировать: современные правовые позиции Норвегии и ряда других государств – участников Договора в отношении толкования и исполнения ряда ключевых договорных положений, прежде всего о соотношении положений о *суверенитете* Норвегии и о *договорных условиях* его осуществления, различаются. Таких различий несколько, в т.ч.: по вопросу о соответствии Договору принятого Норвегией Горного устава, иных актов норвежского законодательства, применимых к Шпицбергену³; по вопросам о правовом режиме воздушного пространства над Шпицбергеном, о правовом режиме морских пространств в районе действия Договора и о праве Норвегии распространить свою юрисдикцию за пределы

¹ Тексты этих обменных нот, а также комментарии к ним приведены в: Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К. Шпицберген: правовой режим прилегающих морских районов. М., Морская коллегия при правительстве Российской Федерации. 2006. 248 с.

² Там же. С. 24–25.

³ Интересны вопросы о соответствии Договору о Шпицбергене норвежского земельного и горного законодательства. См. об этом: Орешенков А.М. Особенности международно-правового режима Шпицбергена // Московский журнал международного права. № 3. 1992. Его же: О праве собственности Норвегии на «государственные земли» Шпицбергена // Московский журнал международного права. № 3. 1994.

этого района. В настоящей статье рассматриваются некоторые такие вопросы.

1. *Правомерно ли установление территориального моря Норвегии вокруг Шпицбергена во изменение Договора о Шпицбергене?*

В Договоре о Шпицбергене 1920 г. обозначены пределы, где реализуется на договорных условиях суверенитет Норвегии, а именно только на суше (ст. 1). А условия о равном доступе норвежцев и граждан других государств – участников Договора реализуются и на суше, и в «территориальных водах» местностей Шпицбергена (ст. 2 и 3). Используемый в Договоре 1920г. термин «территориальные воды» местностей Шпицбергена отражает специфику того правового режима акваторий, прилегающих к Шпицбергену, который создан Договором. Составители текста Договора не стали употреблять термин «территориальное море (territorial sea) Норвегии». В Договоре не зафиксировано, что Норвегия осуществляет суверенитет над такими «территориальными водами» Шпицбергена; напротив, предусмотрено, что Норвегия осуществляет суверенитет только над перечисленными островами – т.е. только над сушей. Хотя в тот период институт территориального моря прибрежного государства уже существовал в международном праве. То есть составители Договора изначально «заложили» юридическое отличие понятия «территориальных вод местностей» Шпицбергена от классического института морского права – *территориального моря* прибрежного государства. Действительно, впечатляет перечень различий между традиционным институтом *территориального моря* и теми «территориальными водами местностей», которые предусмотрены Договором 1920 г. (ст. 2, 3 и др.)⁴:

В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ МОРЕ НОРВЕГИИ (у ее материкового побережья)	В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ВОДАХ ШПИЦБЕРГЕНА
Прибрежное государство осуществляет суверенитет над природными ресурсами	Лица всех государств-участников допущены на одинаковых основаниях к использованию природных ресурсов – к рыбным промыслам, к охоте на морского зверя, к горным разработкам и т.д.

⁴ Более того, государства-участники предупредили всякую юридическую возможность для Норвегии регулировать национальным законом научные исследования: по ст. 5 Договора, «путем конвенции будут выработаны условия, на которых в указанных местностях могут происходить научные исследования».

Без согласия прибрежного государства <i>нельзя проводить научные исследования</i>	Граждане всех государств-участников имеют « <i>одинаковый свободный доступ для любой цели и задачи</i> », в т.ч. и научной
Ключевым компонентом режима является <i>право мирного прохода</i>	Для государств-участников предусмотрено не столь ограниченное право, а <i>свобода плавания, свободный доступ</i> в «воды, фьорды и порты местностей», « <i>право остановки в них</i> », право заниматься « <i>всякими операциями</i> » (ст. 3 Договора)

Изначально Норвегия скрупулезно следовала в своем национальном законодательстве этим предписаниям Договора 1920 г. Законом Норвегии 1925г. о Шпицбергене предусмотрено, что Шпицберген является «частью Королевства Норвегия»⁵. Согласно § 1 этого Закона «частью Королевства Норвегия» являются «острова, островки и скалы, расположенные» в обозначенном Договором морском прямоугольнике («*treaty box*»); но не «территориальные воды» Шпицбергена. Встречающийся в публикациях термин «*treaty box*» означает район действия Договора 1920 г. Статьей 1 Договора обозначено местоположение такого района, который на карте меркаторской проекции выглядит как прямоугольник: между меридианами 10 и 35 восточной долготы и между параллелями – 74 и 81 северной широты. То, что иностранное судно (не норвежское) зашло в названный район действия Договора, не означает, что оно оказывается под суверенитетом Норвегии. Границы этого прямоугольного района – это не границы суверенитета Норвегии; первые обозначены в Договоре для того, чтобы не перечислять все острова и скалы, которые Договором отнесены к архипелагу Шпицберген. Как отмечалось, территориальное верховенство Норвегии распространяется *не на весь район действия Договора 1920 г.*, а именно на эти *острова и скалы*.

В порядке толкования Договора Норвегия предполагает, что такой суверенитет также распространяется на *территориальные воды* вокруг обозначенных Договором местностей. Это наиболее значимое правопритязание Норвегии, не имеющее обоснования в Договоре 1920 г. Но изобретательные норвежские юристы пытаются сослаться на то, что суверенитет над территориальными водами Шпицбергена мог подразумеваться.

⁵ Norwegian Ministry of Foreign Affairs, Report No. 30 (2004–2005) to the Storting, Opportunities and Challenges in the North (Oslo, 2004). P. 22.

Но даже и при согласии с таким толкованием других государств-участников (что далеко не факт) и этот суверенитет Норвегии (над территориальными водами Шпицбергена) был бы ограничен договорным постановлением статьи 1 – он реализуется лишь «на условиях, предусмотренных» Договором.

Тем не менее, судя по документам, даже государственные ведомства стран – участниц Договора смешивали юридически разные понятия: «территориальные воды Шпицбергена» и «территориальное море Норвегии». Понятно, что это упущение юридических советников руководителей ведомств, причем не только России. Но допускать его впредь нецелесообразно, поскольку это может иметь негативные правовые последствия. Если Россия, Исландия, другие заинтересованные страны будут фактически считать *территориальные воды Шпицбергена* территориальным морем *Норвегии*, это приведет в конечном счете к образованию соответствующей обычной нормы международного права⁶.

При любом толковании бесспорно то, что на морских «участках» внутри района действия Договора, за пределами территориальных вод Шпицбергена нет ни суверенитета, ни иных властных полномочий Норвегии по Парижскому договору 1920 г. Это важнейшая его юридическая характеристика, имеющая и сегодня практическое значение.

2. *Вправе ли Норвегия установить 200-мильную рыбоохранную (или исключительную экономическую) зону вокруг Шпицбергена, не нарушая Договор о Шпицбергене?*

Королевским декретом 1961 г. Норвегия расширила границы ранее установленной у ее *материкового* побережья, а также у побережья норвежского острова *Ян-Майен* рыболовной зоны до 6 морских миль с апреля 1961 г., а Законом о рыболовной границе Норвегии 1966 г. – до 12 морских миль с сентября 1966 г. Этим декретом, однако, *не затрагивалось право на рыболовство у Шпицбергена*, открытое для судов всех государств – участников Парижского договора 1920 г. на одинаковых с норвежцами условиях⁷.

⁶ Как справедливо подмечено, «повторяющиеся фактические отношения, складывающиеся в процессе межгосударственного общения, могут приводить к признанию их правового характера и, следовательно, к образованию международно-правовой обычной нормы». – Черниченко С.В. Теория международного права. Том I. М., 1999. С. 24.

⁷ Сборник нормативных актов. СССР – Норвегия: сотрудничество в области рыбного хозяйства». М., 1998. С. 23–28.

И это показательно в юридическом плане. Норвегия, проявляя актом национального законодательства свои природоресурсные права у *материкового побережья* и у *побережья о. Ян-Майен*, не применила *те же нормативные меры у побережья Шпицбергена*. Тем самым Норвегия в 1961 и 1966 гг. в полном соответствии с Договором 1920 г. подтвердила *различие между: а) осуществлением суверенитета над государственной материковой территорией страны и над о. Ян-Майен (без каких-либо договорных ограничений суверенитета) и б) осуществлением суверенитета над Шпицбергеном* – на условиях, предусмотренных Парижским договором.

В целом исполнение после 1920 г. в течение десятилетий тех положений Парижского договора, которые применимы к морской деятельности, было относительно неконфликтным. Такое положение дел стало изменяться в 1970-х гг. В этот период в русле развивающегося международного морского права прибрежные государства стали устанавливать исключительные экономические зоны шириной до 200 морских миль. Хотя эти морские пространства в состав государственной территории не входят, в них прибрежное государство имеет суверенные права в целях разведки, разработки и сохранения природных ресурсов, а также юрисдикцию в отношении некоторых видов деятельности. Практика установления таких 200-мильных «природоресурсных» зон получила уже в 1970-х гг. отражение в документах III Конференции ООН по морскому праву, а впоследствии – в принятой на ней Конвенции по морскому праву (1982 г.)

Норвегия с 1977 г. поддерживает притязания на 200-мильные морские пространства вокруг Шпицбергена. При этом оставлено без внимания то, что Договор не предусмотрел территориального моря Норвегии вокруг Шпицбергена, а 200-мильная исключительная экономическая зона – это «район, находящийся за пределами территориального моря и прилегающий к нему» (ст. 56 Конвенции 1982 г.). Не удивительно после этого, что в средствах массовой информации государств – участников Парижского договора, прежде всего Исландии, участились публикации, оспаривающие норвежскую морскую политику в районе Шпицбергена, установление законодательством Норвегии в июне 1977 г. *200-мильной рыбоохранной зоны (Fisheries Protection Zone)* вокруг Шпицбергена и последующее исполнение этого законодательного акта.

Другим поводом антинорвежской критики стала публикация норвежским Институтом морской картографии в Ставангере карты, на которой обозначена как находящаяся под юрисдикцией Норвегии

200-мильная морская зона, как у материкового побережья Норвегии, так и у *Шпицбергена*. В практическом плане ситуацию обострили случаи задержания норвежцами исландских рыболовных судов. Дело дошло до обстрела с норвежских кораблей исландских траулеров в 1994 г. и заявлений Исландии о возбуждении ею дела против Норвегии в Международном суде⁸. В обстоятельной статье антинорвежской направленности «Битва за Атлантику», опубликованной в газете «Моргунбладид» (28 апреля 1996 г.), бывший министр иностранных дел Исландии Й. Ханнибальссон весьма логично сформулировал суждения юридического порядка. В их числе следующие:

– согласно Договору все страны-участницы имеют *равный доступ* к использованию естественных богатств и суши, и моря;

– вопрос о 200-мильной зоне вокруг Шпицбергена подсуден Международному суду ООН;

– консультации экспертов в области международного права позволяют прогнозировать, что в эвентуальном вердикте Международного суда по данному вопросу 200-мильная зона вокруг Шпицбергена, вероятно, была бы квалифицирована как неправомерная, поскольку она основана на неверном толковании Договора о Шпицбергене⁹.

В том же духе на страницах этой газеты за 9 мая 1996 г. высказывается против задержания Норвегией исландских рыболовных судов исландский министр рыболовства Э. Аусгейрссон: «Норвежцы не имеют никакого права задерживать рыболовные суда соседних государств при промысле ... у Шпицбергена или острова Медвежий... Поэтому исландцы вместе с фарерцами должны стремиться к сотрудничеству с русскими по этому вопросу»¹⁰.

Обвинения со стороны Исландии в нарушении Норвегией международного права посредством введения 200-мильной зоны целевой юрисдикции вокруг Шпицбергена выглядели весьма убедительно.

Еще до введения 200-мильной *рыбоохранной* зоны у Шпицбергена – 17 декабря 1976 года – был принят Закон «Об экономической зоне Норвегии». Согласно нему:

⁸ Студенецкий С.А. Норвегия – Исландия. «Рыбная война» в водах Шпицбергена // Рыбное хозяйство. 2003. № 6.

⁹ Цитируется по переводу статей с исландского языка, выполненному посольством Российской Федерации в Исландии (этот перевод приложен к письму Посла Российской Федерации в Исландии Ю. Решетова на имя Председателя Комитета РФ по рыболовству от 13 мая 1996 г.)

¹⁰ Там же.

– устанавливается «на расстоянии 200 морских миль от применяемых исходных линий» экономическая зона «в морях, прилегающих к побережью Королевства Норвегия» (§ 1 Закона);

– лица, «не являющиеся норвежскими гражданами или не приравненные к норвежским гражданам... не могут заниматься рыбным, китобойным и тюленьим промыслом или охотой в пределах норвежской экономической зоны» (§ 3 Закона)¹¹. В порядке *уточнения района применения* этого Закона в п. I Королевского декрета от той же даты предусмотрено, что «с 1 января 1977 г. в водах, примыкающих к *материковой части Норвегии*, устанавливается экономическая зона»¹². То есть по смыслу п. I Королевского декрета Закон «Об экономической зоне Норвегии» 1976 г. *не применяется к морским районам вокруг Шпицбергена*. С учетом этого важного уточнения ни Закон, ни декрет Норвегии протестов в адрес правительства Норвегии со стороны других государств не вызвали.

Этого нельзя сказать о Королевском декрете от 3 июня 1977 г. относительно упомянутой «зоны охраны рыбных ресурсов вокруг Шпицбергена»¹³.

Декрет:

– в качестве основания делает ссылку на Закон от 17 декабря 1976 г. «Об экономической зоне Норвегии» как на применимый к водам Шпицбергена (т.е. находится в определенном противоречии с цитированным п. I Королевского декрета от 17 декабря 1976 г.);

– предусматривает, что данная рыбоохранная зона «устанавливается в морских районах у побережья Шпицбергена для сохранения живых ресурсов моря и регулирования рыболовных операций и охоты»;

– предусматривает, что внешняя граница такой рыбоохранной зоны «устанавливается на расстоянии 200 морских миль от применимых исходных линий»;

– устанавливает, что некоторые другие положения Закона «Об экономической зоне Норвегии» (а именно о запрете иностранных промыслов в ней) «временно не будут применяться» в 200-мильной рыбоохранной зоне вокруг Шпицбергена;

¹¹ Закон № 91 от 17 декабря 1976 г. «Об экономической зоне Норвегии» // Сборник нормативных актов. СССР – Норвегия... С. 32–34.

¹² Королевский декрет от 17 декабря 1976 г. «Об установлении экономической зоны Норвегии» // Сборник нормативных актов. СССР – Норвегия... С. 35.

¹³ Так переведено название декрета Управлением внешних связей Минрыбхоза СССР. Текст этого декрета на русском языке см.: Сборник нормативных актов. СССР – Норвегия... С. 97–99.

– предоставляет Министерству рыболовства Норвегии полномочия принимать меры регулирования рыболовства в 200-мильной рыбоохранной зоне вокруг Шпицбергена, включая установление величины «максимального разрешенного вылова для каждого вида рыб» и меры в отношении «орудий лова и максимального размера рыб»;

– устанавливает ряд предписаний судам, которые осуществляют «рыболовные операции или охоту» в рыбоохранной зоне.

Таких исключительных правомочий в водах вокруг Шпицбергена *Парижский договор 1920 г. не предоставляет* Норвегии. Впрочем, Норвегия и не пытается доказать обратное. Правовая стратегия Норвегии развернута в другом направлении: доказывания того, что эти исключительные правомочия Норвегии основаны на иных источниках международного права, а не на Договоре о Шпицбергене.

Правопритязания Норвегии на огромные морские пространства вокруг Шпицбергена затронули прежде всего интересы государств, традиционно осуществляющих здесь промыслы. Соответственно юридическое противодействие этому одностороннему расширению Норвегией своей юрисдикции на морские районы вокруг Шпицбергена оказали именно такие государства – в первую очередь Исландия, Испания, СССР.

15 июня 1977 г. министру иностранных дел Норвегии была передана нота Посольства СССР. В ноте указано, что в решении об установлении такой зоны обращает на себя внимание его «явное несоответствие обязательствам, принятым на себя Норвегией по Договору о Шпицбергене 1920 г. Решение принято норвежским правительством в одностороннем порядке и основывается на внутреннем законодательстве Норвегии, хотя касается особого района, который подпадает под действие упомянутого Договора». В ноте указано и на фактор традиционности (а этот фактор юридически учитывается при распределении квот в соответствии с большинством международных соглашений в области рыболовства): «Планируемые Норвегией меры по ограничению рыболовства вокруг Шпицбергена непосредственно затронули бы права и интересы Советского Союза, который наряду с Норвегией традиционно занимается рыболовным промыслом в водах архипелага».

Подчеркнем также: в ноте Посольства СССР от 15 июня 1977г. говорится о «*водах архипелага*» Шпицберген, а не о *водах Норвегии*. И эта позиция отечественного МИДа полностью соответствует, как было выше показано, Договору о Шпицбергене.

Оценивая современное юридическое значение нормативного акта Норвегии (Декрета 1977 г.) и дипломатической ноты, в которой обоснован соответствующий протест СССР, следует отметить, что названные документы представляют разные правовые системы. Нормативный акт правительства Норвегии – это часть *национального законодательства*; ноты посольств, министерств иностранных дел отражают *международно-правовую позицию* государства; обмен дипломатическими нотами может составить *международный договор* (как это имело место в случае с Соглашением по Шпицбергену 1871–1872 гг.), т.е. составить источник международного права.

Нота Посольства СССР завершается весомыми словами: «Советское правительство расценивает принятое 3 июня 1977 г. решение как очередной шаг Норвегии, направленный на незаконное расширение своих прав в районе действия Шпицбергена вопреки положениям Договора 1920 г., что выходит за рамки чисто рыболовных проблем. В этих условиях Советское правительство резервирует за собой возможность принятия соответствующих мер, обеспечивающих интересы СССР».

После таких дипломатических шагов Норвегия, хотя и не отменила Декрет о 200-мильной рыбоохранной зоне вокруг Шпицбергена, пошла на активный переговорный процесс с Советским Союзом, не допускала эскалации напряженности в двусторонних отношениях по поводу морских ресурсов в районах вокруг Шпицбергена.

В *Соглашении Норвегии с СССР о сотрудничестве в области рыболовства* 1975 г. акцент сделан на *сохранение* рыбных запасов в водах, прилегающих к побережьям двух государств, и на рациональное *управление* этими запасами. Два баренцевоморских государства, от материкового побережья которых простирается континентальный шельф к архипелагу Шпицберген, признав «ответственность и обязанность Сторон в принятии эффективных мер по сохранению живых ресурсов в Северо-Восточной Атлантике», согласились сотрудничать «по практическим вопросам рыболовства», «проводить взаимные консультации по этим вопросам, уделяя особое внимание мерам по сохранению и рациональному использованию живых ресурсов моря» (статья I Соглашения). Для достижения целей Соглашения стороны предусмотрели создание двусторонней «Смешанной комиссии», сессии которой проводятся «не реже одного раза в год» (статья III Соглашения).

В последующем – в *Соглашении между Правительством СССР и Правительством Норвегии о взаимных отношениях в области*

рыболовства 1976 г. – стороны подтвердили «стремление обеспечить сохранение рыбных запасов в водах, прилегающих к их побережьям, и осуществлять наиболее рациональное управление этими запасами», отметили, что «установление расширенной юрисдикции прибрежных государств в области рыболовства в районе Атлантики могло бы привести к перемещению промысловых усилий в упомянутые выше воды», подчеркнули, что «значительная часть живых ресурсов Норвежского и Баренцева морей представляет единый экологический комплекс, эксплуатируемый рыбаками обеих стран» и признали, что «при этих обстоятельствах прибрежные государства этого района в первую очередь заинтересованы и несут основную ответственность за выработку решений, касающихся сохранения живых ресурсов и рационального управления ими». В этом же Соглашении предусмотрено, что норвежское правительство «представило законопроект о расширении юрисдикции Норвегии в области рыболовства в пределах зоны в 200 морских миль»¹⁴.

Далее, в этом Соглашении зафиксировано значимое обязательство о том, что каждая договаривающаяся сторона предоставляет доступ рыболовным судам другой стороны «к рыбным ресурсам в районе за пределами двенадцати морских миль от применимых исходных линий, в которых она осуществляет управление запасами рыбы и других живых ресурсов, включая их сохранение и регулирование промысла» (статья 1 Соглашения).

Значимым двусторонним советско-норвежским документом, отражающим поиск взаимоприемлемого решения проблемы правового режима деятельности в водах вокруг архипелага Шпицбергена, стало совместное коммюнике по итогам визита в Москву в марте 1978 г. *министра Норвегии по вопросам морского права* Е. Эвенсена. Как сказано в коммюнике, Стороны «подтвердили свою общую заинтересованность и совместную ответственность за выработку мер по сохранению живых ресурсов Норвежского и Баренцева морей, значительная часть которых представляет единый экологический комплекс». При обсуждении вопроса о «мерах регулирования рыбного промысла в районе Шпицбергена Стороны высказались за необходимость принятия недискриминационных мер об охране молоди рыб», причем такие меры «должны основываться на объективных научных данных». Стороны не допускали возможности ресурсной анархии в районе Шпицбергена:

¹⁴ Тексты Соглашений см., например: Сборник нормативных актов. СССР – Норвегия: сотрудничество в области рыбного хозяйства.

«запасы рыб, осуществляющих миграции между разными зонами Баренцева и Норвежского морей, подлежат регулированию во всем ареале их распространения, включая район Шпицбергена». Признана «необходимость введения обязательного порядка отчетности для всех стран, которые ведут промысел в данном районе».

Удачным юридическим нововведением стало достижение в 1978 г. Норвегией с СССР договоренностей о *смежном участке Баренцева моря*. В *Протоколе о временных правилах рыболовства в смежном участке Баренцева моря*¹⁵ от 11 января 1978 г. обязательства сторон сформулированы весьма четко:

– Каждая из двух Сторон в пределах смежного участка «будет воздерживаться от любого контроля выполнения правил регулирования рыболовства в отношении судов под флагом другой Стороны».

– Судам под флагом третьих стран будет разрешено вести промысел в смежном участке «при условии наличия у них разрешения на это или от Правительства СССР, или от Правительства Норвегии и на условиях, определенных ниже». Содержание этих условий сводится к следующему: а) еженедельное направление установленной информации (о судне, районе промысла, уловах и т.д.) обеим сторонам (если они выдали разрешение); одной стороне (если только она выдала разрешение); б) осуществление промысла в соответствии с установленными мерами регулирования.

– Каждая сторона сообщает другой стороне «полный список судов третьих стран, которым разрешено вести промысел по ее разрешению, а также информацию о каждом судне».

– «Каждая Сторона в соответствии с международным правом может принимать необходимые меры в отношении судов третьих стран, ведущих рыбный промысел» в смежном участке.

– «Стороны в рамках Смешанной советско-норвежской комиссии по рыболовству должны проводить консультации по вопросу уровня уловов в смежном участке».

¹⁵ По Соглашению между Правительством СССР и Правительством Норвегии о совместных мерах контроля за рыбным промыслом и регулировании рыболовства в смежном участке Баренцева моря, прилегающем к материковому побережью Норвегии и СССР, находящийся к югу от района действия Договора о Шпицбергене смежный участок управляется сторонами совместно, как бы вне зависимости от двух предложенных сторонами разграничительных линий: учитывающей особые обстоятельства (т. е. границу полярных владений, установленную Постановлением ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г.) и линии равного отстояния. Действующие в этом районе Временные правила разработаны двумя странами согласованно.

Коротко оценивая этот Протокол, надо назвать его примером оптимального правового решения проблемы управления общими морскими биоресурсами в условиях, когда стороны расходятся в позициях относительно разграничения прилегающих к их побережьям пространств в Баренцевом море.

Успех советско-норвежского, затем российско-норвежского сотрудничества в области управления биоресурсами в смежном участке, соблюдение на практике согласованных единых правил был учтен. Велись даже переговоры о распространении подобного подхода и на *район действия Договора о Шпицбергене*, для чего основа была: и норвежские, и советские, и единые правила рыболовства для смежного участка – все они основывались на рекомендациях ИКЕС – *Международного совета по исследованию моря*, этой старейшей международной научной организации, а также на правилах рыболовства, принятых в рамках *Конвенции по рыболовству в Северо-Восточной Атлантике*. Тем не менее договоренность о распространении этих совместных правил на морские районы Шпицбергена оформлена не была.

Объективно в двусторонних договорно-правовых актах Норвегии и СССР закладывались *новаторские для своего времени регулятивные основы координированного управления морскими живыми ресурсами в Баренцевом море* с учетом их экологического единства, нерациональности «сепаративного» управления отдельно Норвегией и СССР общими промысловыми запасами. При этом были задействованы поощряемые международным правом инструментарии: обмен научными данными; координация контроля за промыслом; сбалансированные процедуры согласования мер регулирования в рамках *Смешанной советско-норвежской комиссии по рыболовству*. Впоследствии, уже в российский период сотрудничества (после 1991 г.), были обозначены новые возможности дальнейшего совершенствования этого двустороннего регулятивного механизма¹⁶, прежде всего в целях учета наиболее достоверных биологических данных для обеспечения устойчивости российского и норвежского промысла запасов в Баренцевом море, в т.ч. в районе Шпицбергена¹⁷.

¹⁶ См. подробнее: Зиланов В.К. Россия – Норвегия: возможности интеграции // Рыбное хозяйство». № 6. 1999. С. 17–19.

¹⁷ Некоторые биологические и международные основы устойчивого рыболовства в Баренцевом море. Беляков С., Зиланов В., Трояновский Ф. Итоги шестой конференции ООН по трансграничным запасам. М., 1996. 41 с.; Зиланов В.К. Единство экологического комплекса северных морей как основа сотрудничества Советского Союза

Хотя и были достигнуты такие важные договоренности, фундаментальные позиции сторон по 200-мильной зоне вокруг Шпицбергена остались неизменными: Советский Союз исходил из *неправомерности введения Норвегией законодательства о 200-мильной зоне*, тем более считал противоречащими международному праву попытки Норвегии обеспечить выполнение такого законодательства. Норвегия осталась на своей позиции, хотя и пошла на «мягкое» *применение беспечительных мер* в отношении советских рыболовных судов. Было достигнуто и общее согласие с тем, чтобы рассматривать все практические вопросы разработки единых правил рыболовства, мер регулирования в рамках упомянутой Смешанной советско-норвежской комиссии по рыболовству.

Такой подход сохраняется *de jure* и в настоящее время. Вместе с тем следует констатировать, что фактически Норвегия в последние годы все агрессивнее вводит национальные меры регулирования в морских районах вокруг Шпицбергена в одностороннем порядке, вне указанной двусторонней комиссии.

Соглашением от 15 мая 1999 г. между Россией, Норвегией и Исландией предусмотрены меры по сохранению ресурсов в анклавном открытом море, находящемся за пределами 200 миль от побережий России, Норвегии, а также от Шпицбергена¹⁸. Соглашение нацелено на предотвращение ресурсной анархии в анклавном открытом море, но в нем нет признания 200-мильной рыбоохранной зоны вокруг Шпицбергена. Напротив, в статье 9 предусмотрено, что Соглашение «не затрагивает обязательств Сторон, вытекающих из действующих двусторонних и многосторонних международных договоров, участником которых является любая из Сторон». Это означает, *inter alia*, что Соглашение не затрагивает обязательств сторон по Договору о Шпицбергене – а этот Договор, как было показано, не предусматривает исключительные права Норвегии в прилегающих к Шпицбергену территориальных водах или в целом в районе действия Договора. Другими словами, ни Исландия, ни Россия *не согласились с установлением Норвегией 200-мильной рыбоохранной зоны* вокруг Шпицбергена.

и Норвегии в области сохранения и оптимального использования морских живых ресурсов. ВНИРО. Сборник научных трудов. М., 1989. 50 с.; Зиланов В.К., Яник Л.В. Рыболовство Норвегии. М., 1979. 79 с.

¹⁸ Соглашение между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Исландии и Правительством Королевства Норвегия, касающееся некоторых аспектов сотрудничества в области рыболовства, от 15 мая 1999 г.

Итак, разные позиции сторон в отношении правового режима акваторий в районе действия Договора о Шпицбергене и разные оценки законодательства Норвегии о 200-мильной зоне сохранены, но некое временное соглашение (*modus vivendi*) достигнуто.

3. *Является ли морское дно в районе действия Договора о Шпицбергене с точки зрения современного международного права континентальным шельфом Норвегии?*

Напомним об отправном положении Договора 1920 г.: согласно статье 2, суда и граждане всех государств-участников (как первоначальных, так и присоединившихся) «допущены на одинаковых основаниях к осуществлению права на рыбную ловлю и охоту в местностях, указанных в статье 1, и в их *территориальных водах*». Кроме прав на рыболовство и охоту, граждане государств-участников имеют одинаковый доступ в *воды, фиорды и порты обозначенных местностей и право остановки в них* (понятия внутренних вод, повторим, Договор не предусматривает); *они могут заниматься в них, без каких-либо препятствий, при условии соблюдения местных законов и постановлений, всякими судоходными, промышленными, горными и торговыми операциями на условиях полного равенства*; они допущены на тех же условиях равенства к занятию всяким коммерческим делом «как на суше, так и в *территориальных водах*, причем не может быть создана никакая монополия в отношении чего-либо и в отношении *какого бы то ни было предприятия*» (статья 3).

Термин «всякие ... промышленные, горные ... операции» в территориальных водах Шпицбергена, несомненно, охватывает и горные работы, в т.ч. *связанные с добычей минеральных ресурсов недр дна таких территориальных вод*. Для доступа в *территориальные воды Шпицбергена* иностранного судна государства – участника Договора, в т.ч. для занятия «всякими» (промышленными, горными операциями, погрузо-разгрузочными работами, осуществляемыми рыболовными судами и т.д.) операциями *не требуется согласие Норвегии*. Такова была воля государств – участников Договора 1920 г. *Морские природные ресурсы у Шпицбергена* открыты для эксплуатации: по Договору суда под флагом России, как и других государств-участников, допущены на одинаковых условиях к использованию природных ресурсов в *территориальных водах* у побережья Шпицбергена. Договором не предусмотрены права Норвегии устанавливать иные морские зоны и иные морские

границы, помимо территориальных вод. А любое изменение договора, согласно Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (ст. 39), требует согласия других участников договора. Такого изменения Парижского договора 1920 г. на данный период времени нет. Следовательно, Договор 1920 г. не предоставляет Норвегии прав на 200-мильную зону и шельф в районе действия Договора о Шпицбергене, на которые она притязает.

Сопоставим этот вывод с иными правовыми доводами, на чем настаивает МИД Норвегии. Руководителем Правового департамента этого ведомства Р.Э. Фифе развернута логичная на первый взгляд схема международно-правового обоснования прав Норвегии ввести национальным законом в дополнение к территориальным водам иные морские зоны вокруг Шпицбергена, в т.ч. и 200-мильную зону и континентальный шельф Норвегии:

– Договор 1920 г. предусматривает суверенитет Норвегии над островами и скалами, объединенными названием «Шпицберген».

– В 1920 г. международное морское право не содержало таких институтов, как 200-мильная исключительная экономическая зона, континентальный шельф.

– Соответственно, «положения Договора о Свальбарде не применимы за пределами территориальных вод архипелага».

– Современное международное право содержит институты исключительной экономической зоны и континентального шельфа.

– В силу своего суверенитета над архипелагом Норвегия вправе национальным законом установить вокруг архипелага 200-мильную исключительную экономическую зону, а также реализовать свои права в районах континентального шельфа, прилегающих к Шпицбергену.

– Основой прав Норвегии на эти морские пространства является не Договор о Шпицбергене, а современное международное морское право¹⁹.

Вряд ли международный судебный и арбитражный орган, который стал бы рассматривать эту проблему, примет такое обоснование как безупречное. Во-первых, Шпицберген – это, как уже отмечалось в юридической литературе, не часть территории прибрежного государства, вдоль которой проводятся исходные линии, где есть внутренние морские воды, территориальное море и т.д., а именно «норвежская государственная

¹⁹ Фифе Р.Э. Предмет и цели Договора о Шпицбергене (Свальбарде) с точки зрения международного морского права // МЖМП. № 4. 2007. С. 18.

территория общего пользования», суть режима которой определена «принципами интернационализации, принципом равенства», зафиксированными в международном договоре²⁰. Во-вторых, в сопоставлении с нормами международного морского права, в т.ч. с нормами, предусмотренными в Конвенции по морскому праву 1982 г., положения Договора 1920 г. являются *lex speciales*. И если по Договору 1920 г. вокруг Шпицбергена *не может быть территориальное море Норвегии* (оно есть у материкового побережья Норвегии), то и по Конвенции 1982 г. здесь нельзя установить 200-мильную исключительную экономическую (рыболовную) *зону Норвегии* (она есть у материкового побережья Норвегии). Нет в районе действия Договора о Шпицбергене по этой же причине и *континентального шельфа Норвегии* – и по Конвенции о континентальном шельфе 1958 г., и согласно части VI Конвенции 1982 г. Континентальный шельф Норвегии, простирающийся от ее *материкового побережья*, должен «огibtать» район действия Договора о Шпицбергене. В-третьих, исходя из *объекта и цели Договора 1920 г.* права других государств-участников во всяких морских зонах национальной юрисдикции Норвегии в районе действия Договора о Шпицбергене (если бы даже Норвегия имела право устанавливать такие зоны) были бы *не меньше, чем в территориальных водах вокруг Шпицбергена*. То есть Норвегия и другие государства-участники были бы допущены «на *одинаковых условиях*» к промыслам в таких морских зонах, к *горным разработкам в недрах этого района*. В ряде дипломатических нот морское дно в районе действия Договора о Шпицбергене названо «континентальным шельфом Шпицбергена». А не «континентальным шельфом Норвегии».

Впрочем, отличие между режимом морского дна в районе действия Договора о Шпицбергене («шельфом Шпицбергена») и «континентальным шельфом» Норвегии проводится и в законодательстве Норвегии. Так, в *Постановлении о мерах безопасности при разведке и разведочном бурении на залежи углеводородов на Шпицбергене* (введено Королевским декретом от 25 марта 1988 г.) сказано, что это Постановление применяется «в тех районах, где залежи углеводородов могут находиться на территории Шпицбергена и на его шельфе в пределах *территориальных вод*» (статья 2 Постановления)²¹. Но в пределах тер-

²⁰ Тимченко Л.Д. Государственная территория общего пользования: юридическая природа и правовой режим. На примере Шпицбергена // МЖМП. № 3. 1997. С. 88.

²¹ Текст Постановления цит. по: Законодательство Норвегии по нефти и газу (неофициальный перевод). ЭПИцентр. М., 1999. С. 231.

риториального моря нет континентального шельфа как института международного морского права: «континентальный шельф прибрежного государства включает в себя морское дно и недра подводных районов, простирающихся за пределы его территориального моря» (статья 76 Конвенции по морскому праву 1982 г.). А то, что обозначено «шельфом Шпицбергена», было бы дном территориального моря Норвегии, если бы не Парижский договор 1920 г. (последний, как было показано, не дал Норвегии права установить территориальное море Норвегии вокруг Шпицбергена).

4. *Вправе ли Норвегия устанавливать национальные меры сохранения фауны и флоры в районе действия Договора 1920 г., без согласования с другими участниками Договора?*

В район действия Договора, кроме суши – обозначенных островов, входят и акватории. В них, исходя из контекста Договора, суверенитет Норвегии не реализуется – в отличие от районов суши. То есть по Договору меры сохранения фауны и флоры в таких акваториях могут быть введены Норвегией *только с согласия других государств – участников Договора*.

Вместе с тем отсутствие у Норвегии по Договору 1920 г. прав сохранять флору и фауну за пределами территориальных вод Шпицбергена в районе действия Договора само по себе сегодня не означает, что *таких прав нет согласно иным международно-правовым источникам*.

Современное международное экологическое право динамично развивается, оно предусматривает достаточно предметные правила защиты окружающей среды, сохранения морских живых ресурсов, морского биоразнообразия, а также соответствующие права и обязанности государств²². Норвегия, как видно из статьи представителя ее МИДа, исходит из того, что в соответствии с международным правом она вправе принимать меры по сохранению фауны и флоры во всем районе действия Договора о Шпицбергене, а также меры по защите морской среды в пределах такого района.

Тенденция к усилению правомочий прибрежных государств в области защиты окружающей среды соответствует «экологизации»

²² См., например: Копылов М.Н. Международное экологическое право // В кн.: Международное право. Под ред. А.Я. Капустина. М., 2008. С. 471 и след.; Андреева Е.Е., Кукушкина А.В. Международно-правовые основы охраны окружающей среды // В кн.: Международное право. Под ред. А.Н. Вылегжанина. М., 2009. С. 582 и след.

международного правосознания, как известно, усилившейся в 70–90-х гг. XX века. Одним из ее последствий стало возрастание роли международно-правовых механизмов сохранения морских живых ресурсов и рационального управления ими. В современное международное экологическое право «встраиваются» такие принципы и сопутствующие им правовые механизмы, как «осторожный подход (предосторожности)»; экологический мониторинг; «загрязняющий платит» и т.д. Именно в таком контексте морские живые ресурсы становятся в современных международных договорах о защите морской среды и об управлении природными ресурсами моря значимым объектом правоотношений. Эти международно-правовые реалии не могли не учитываться в ходе эволюции природоохранной политики Норвегии в морских районах вокруг Шпицбергена. И этот факт, как представляется, подлежит предметному учету.

По этим причинам не представляется возможным всегда соглашаться с встречающимися утверждениями о «злоупотреблении экологическим правом» (*abuse of environmental right*) со стороны Норвегии; о том, что под видом защиты окружающей среды в районе действия Договора о Шпицбергене Норвегия осуществляет здесь такое национальное регулирование, которое не вправе осуществлять согласно Договору 1920 г. Скорее следует признать: политико-правовая позиция Норвегии *на самом деле* состоит в защите здесь окружающей среды – это подтверждается и содержанием ее законодательства, и его исполнением – в том числе в отношении *норвежских компаний*; подтверждается это и официальными политическими документами. Так, в упоминавшемся докладе норвежскому стортингу МИД Норвегии отметил: «Географическое положение Шпицбергена указывает на его стратегическую значимость в управлении нашими ресурсами на севере. Научные исследования на Шпицбергене дают нам новые знания о глобальных климатических процессах, о состоянии окружающей среды и загрязнении Крайнего Севера. Контроль за разными видами промышленной, торговой деятельности, за туризмом сделал возможной защиту уникальных экологических качеств архипелага (*make it possible to protect the unique environmental qualities of the archipelago*)»²³. Иными словами, меры Норвегии по защите окружающей среды в районе действия Договора о Шпицбергене – меры *не дискриминационные*, по содержанию *соответствующие* международному экологическому праву, одинаково

²³ Norwegian Ministry of Foreign Affairs.... P. 22.

применяемые к норвежцам и лицам других государств-участников, – правомерны.

Но правовой режим *защиты морской среды* (или в целом *охраняющей среды*) и правовой режим *морских пространств* и *морских природных ресурсов* – это все-таки не одно и то же. Любой мыслящий юрист с этим согласится, сопоставив современные договоры о защите морской среды и договоры об управлении морскими природными ресурсами; сопоставив, например, часть XII Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. – «Защита и сохранение морской среды» и часть VII раздела 2 этой же Конвенции – «Сохранение живых ресурсов открытого моря и управление ими» и т.д. Вряд ли традиционно уважающие международное право норвежские специалисты не отдавали себе отчет в том, что введение Норвегией вокруг Шпицбергена 200-мильной морской зоны *юрисдикции* – пусть и в специальной области – идет вразрез с обязательствами Норвегии по Договору 1920 г. Скорее всего, в юридическом плане Норвегией была сделана ставка на эстоппель.

Напомним, что согласно этому принципу государства, которые вследствие своего поведения «считаются согласившимися с неким состоянием дел (have consented to a state of affairs), в последующем не могут изменить свою позицию»²⁴. Этот принцип был применен, например, Международным судом ООН в 1962 и в 1989 гг.²⁵ Как отметил Суд в последнем из этих дел, «при определенных обстоятельствах эстоппель может возникнуть из молчания тогда, когда что-то должно быть сказано». Значение эстоппеля Норвегия испытала на практике, проиграв в 1933 г. дело о Восточной Гренландии, в том числе и потому, что считалась согласившейся с договорами Дании, в которых отражались положения о ее суверенитете над всей Гренландией²⁶.

В рассматриваемом случае постепенное (при отсутствии возражений других государств) и успешное продвижение законодательства Норвегии о 200-мильной зоне, исполнение этого законодательства иностранцами *de facto* со временем можно было бы толковать как согласие большинства государств – участников Договора 1920 г. с новым правопритязанием Норвегии на морские пространства у Шпицбергена.

²⁴ M.N. Shaw. International Law, 4th ed., Cambridge University Press, 1997. P. 351. Калам-карян Р.А. Эстоппель в международном праве. М., 2001. С. 33.

²⁵ The Temple of Preah Vihear Case. ICJ Reports, 1962, p.6, etc. The ELSI Case. ICJ Reports, 1989. P. 15, etc.

²⁶ PCIJ, Series A/B, № 53, 1933. P. 46, etc.

Для достижения Норвегией этого результата наиболее действенной опорой стало прежде всего использование ею: а) положений об обеспечении выполнений, предусмотренных договорами Норвегии с СССР/Россией; б) упомянутого выше «экологического» положения статьи 2 Договора о Шпицбергене (о праве Норвегии «провозглашать меры» охраны фауны и флоры). Данное природоохранное положение Договора предоставляет некую основу для осуществления *национального регулирования* Норвегией в территориальных водах Шпицбергена даже при отсутствии договорного согласия второго баренцевоморского государства – СССР/России: ведь на уровне общественного сознания меры охраны морской фауны, «борьбы с браконьерством» и т. п. привлекательны.

Как подмечено, международное морское право – это «процесс непрерывного взаимодействия (a process of uninterrupted interaction), постоянно предъявляемых претензий и ответов на них, в ходе чего те, кто принимает решения в конкретных государствах, односторонне выдвигают различные притязания на использование районов Мирового океана, а другие, принимающие решения на национальном или международном уровнях, отвечают на такие притязания, принимая их или отвергая (by either accepting or rejecting them)»²⁷.

Соответственно, Норвегия демонстрировала намерение обеспечивать выполнение национального законодательства о 200-мильной зоне Шпицбергена, а СССР, Исландия, некоторые другие европейские страны – намерение отвергнуть эти притязания как не соответствующие международному праву.

На практике эта состязательность правовых позиций уважалась и Норвегией, и Советским Союзом – пока СССР был. Распад СССР в 1991 г. геополитически изменил многое в политико-правовом соотношении интересов в различных морях, но не в Баренцевом: здесь побережье советское осталось целиком побережьем российским. Тем не менее Норвегия, судя по фактам, решила воспользоваться ослаблением своего баренцевоморского соседа (как это уже имело место в период после I мировой войны) и ужесточить обеспечение выполнения норвежского законодательства в морских районах у Шпицбергена

²⁷ Lung-chu Chen. Introduction to Contemporary International Law. A Policy Oriented Perspective. New Haven and London, 1989. P. 132. Vylegghanin A.N., Zilanov V.K. Spitsbergen. Legal Regime of Adjacent Marine Areas. Ed. and translated by W.E. Butler. Eleven International Publishing, 2007. P. 69.

– вразрез со сложившейся в советский период практикой, которой следовали оба государства. Этим, видимо, объясняется то, что в 1997–1998 гг. норвежские власти закрывают промысел в районе о. Медвежий для российских рыболовных судов; на некоторые высаживается норвежский десант; позднее норвежские военные арестовывают траулер «Новокуйбышевск»; в 2001 г. арестовывают и доставляют в порт Тромсе траулер «Чернигов». В 2005 г. кораблями береговой охраны Норвегии была предпринята попытка задержать российский траулер «Электрон» по обвинению в нарушении национальных правил рыболовства в морских районах вокруг Шпицбергена, затем в этих же районах были задержаны другие суда, в т.ч. под российским флагом.

Вряд ли юридически правильны встречающиеся утверждения о том, что, продвигая национально-законодательное регулирование в морских районах у Шпицбергена, агрессивно обеспечивая его выполнение, Норвегия опирается исключительно на одностороннюю волю. В позиции норвежской стороны, как уже отмечалось, прослеживается довод о том, что применимость к морским районам вокруг Шпицбергена национальных законов Норвегии обусловлена именно международным правом, но не Договором о Шпицбергене, а современным международным *морским правом*, в т.ч. положениями Конвенции по морскому праву 1982 г., двусторонних соглашений с СССР (Россией) – об управлении морскими природными ресурсами.

В зарубежном исследовании отмечено, что столкновение правовых позиций Норвегии, с одной стороны, и, с другой, России и некоторых других государств – участников Договора о Шпицбергене 1920 г. в своей основе сводится опять же «к определению суверенитета Норвегии» над архипелагом и его территориальными водами. «Если этот суверенитет ограничен Договором о Шпицбергене, тогда на самом деле не правомерны притязания Норвегии за пределами» территориальных вод Шпицбергена²⁸.

Выводы.

Не столько сами острова в районе действия Договора о Шпицбергене, сколько морские пространства вокруг островов стали в настоящее время приоритетным объектом политики Норвегии, России, других государств. А политикой, как отметил еще У. Черчилль, занимаются

²⁸ A. A. Foster «The Svalbard Treaty: Disputes over Resources Management in the Barents Sea» (unpublished paper, 1998). Pp. 12.

разные люди: одни политики сами представляют собой проблему, другие способны проблемы решать. Очень многое сейчас зависит от того, какие политики и как будут решать проблему морских пространств в районе действия Договора о Шпицбергене, по какому пути пойдет уточнение сложившегося статуса этих пространств.

Напомним об основных теоретических констатациях, предложенных в настоящей статье по результатам проведенного исследования современных вопросов толкования и исполнения Договора о Шпицбергене.

– Договор о Шпицбергене 1920 г. предусматривает *одинаковые права* Норвегии, России, других государств-участников на занятие *всякими хозяйственными операциями* в «местностях» Шпицбергена и в их «территориальных водах», включая *одинаковые права* на рыболовство, охоту, горные промыслы и т.д. Эти ключевые положения Договора *не могут быть изменены национальным законом Норвегии*.

– Статус *«территориальных вод местностей Шпицбергена»* Договором определен в главных чертах. Режим этих вод, установленный Договором, *существенно отличается от режима территориального моря*, установленного *международным морским правом*. Многими из тех прав, которыми прибрежное государство обладает в территориальном море, *Норвегия не обладает* в «территориальных водах местностей» согласно Договору о Шпицбергене. Отменить эти различия можно только изменением Договора.

– На морские пространства за пределами территориальных вод Шпицбергена, которые входят в район действия Договора, ни суверенитет, ни суверенные природоресурсные права Норвегии *не распространяются*.

– Договор о Шпицбергене не предоставляет оснований: для установления *территориального моря Норвегии* вокруг Шпицбергена;

для установления *200-мильной исключительной экономической (рыболовной, рыбоохранной и т.п.) зоны Норвегии* вокруг Шпицбергена;

для установления *континентального шельфа Норвегии* вокруг Шпицбергена.

Установление вокруг Шпицбергена любой такой морской зоны является *нарушением Договора о Шпицбергене*.

– Соответственно, предложение Норвегии осуществить разграничение с Россией континентального шельфа *по равноотстоящей линии*

правомерно учитывать лишь в части, когда такая равноотстоящая линия отсчитывается от *материкового побережья Норвегии*; но не от *побережья Шпицбергена*.

– Предпринимаемые Норвегией *недискриминационные меры* по защите окружающей среды, как в «местностях» Шпицбергена, так и в морских районах, примыкающих к ним, *соответствуют международному праву*. Однако некорректно смешение норм права о защите морской среды с нормами права об управлении морскими природными ресурсами, об осуществлении целевой природоресурсной юрисдикции.

– Не только географические, экономические и биологические (общность биоресурсов) реальности побуждают Норвегию и Россию – два соседних баренцевоморских государства – к *сотрудничеству*. Норвегия объективно нуждается в подкреплении принятых *национальных мер* защиты окружающей среды в районе действия Договора о Шпицбергене *международными договорными нормами*. Но поскольку Парижский договор 1920 г. содержит императивные положения об одинаковом доступе к рыболовству, горным разработкам, «всяким» операциям (а эти положения могут сыграть роковую для Норвегии роль в случае разбирательства в Международном суде ООН, например ее спора с Россией, Исландией, Испанией и т.д.), Норвегия идет на создание, в противовес «неудобным» положениям Парижского договора, двусторонней (с СССР/Россией) договорно-правовой базы, применимой к деятельности в морских пространствах вокруг Шпицбергена. *Разрушение сложившейся таким образом двусторонней договорно-правовой базы не отвечает интересам обоих прибрежных баренцевоморских государств – России и Норвегии*.

– Любое государство – участник Договора о Шпицбергене может поставить вопрос о применении к Договору 1920 г. клаузулы *rebus sic stantibus* (статья 62 Венской конвенции о праве международных договоров), посчитав, например, что последствия возникновения в международном праве институтов континентального шельфа, исключительной экономической зоны «коренным образом изменяют сферу действия обязательств» по Договору 1920 г. Надо учитывать, однако, что созыв новой международной конференции по Шпицбергену не отвечает интересам Норвегии, а пересмотр Договора вряд ли упрочит правовую стабильность в регионе.

– Надежды Норвегии добиться согласия правительств России, Исландии, Испании, Дании с расширением действия суверенитета

Норвегии на морские районы вокруг Шпицбергена, на придание со временем легитимности «территориальному морю Норвегии» и ее 200-мильной зоны вокруг Шпицбергена в значительной степени обусловлены отсутствием у США, Великобритании, Франции, других держав – участниц Договора 1920 г. сильных экономических мотивов препятствовать такой морской экспансии Норвегии. Но согласие с такой экспансией чревато нарушением сложившегося баланса интересов заинтересованных государств, прежде всего России, Исландии, за которыми – интересы промышленности, прибрежных общин и хозяйств. Незамеченным такое нарушение не будет.

– Применение Норвегией военных кораблей против российских невоенных судов в конечном счете может привести к *реторсиям России* согласно международному праву. Более того, такая линия поведения Норвегии усилит и в России позиции «жестких» политиков – вряд ли реторсии ограничатся лишь возвращением к правовому положению, существовавшему до введения Норвегией в 1977 г. 200-мильной зоны вокруг Шпицбергена.

– Выкристаллизовывается, в качестве оптимального, путь практических договоренностей заинтересованных государств, прежде всего России, Исландии и Норвегии, по *совместному управлению природными ресурсами* в морских районах, прилегающих к Шпицбергену. В рамках этого подхода приоритетными видится: выработка международно согласованных правил управления морскими природными ресурсами в морских районах, прилегающих к Шпицбергену; выработка международной схемы *обеспечения выполнения* этих правил; создание для содействия такой схеме *международного центра мониторинга* экономической деятельности в районе действия Договора о Шпицбергене и *международного арбитражного суда* (с участием арбитров Норвегии, России, других заинтересованных государств) по спорам, связанным со всякой такой экономической деятельностью.

Библиографический список

Андреева Е.Е., Кукушкина А.В. Международно-правовые основы охраны окружающей среды // В кн.: Международное право. Под ред. А.Н. Вылегжанина. М., 2009.

Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К. Шпицберген: правовой режим прилегающих морских районов. М., Морская коллегия при правительстве Российской Федерации. 2006. 248 с.

Зиладнов В.К. Россия – Норвегия: возможности интеграции // Рыбное хозяйство». № 6. 1999. С. 17–19.

Орешенков А.М. Особенности международно-правового режима Шпицбергена // Московский журнал международного права. № 3. 1992.

Орешенков А.М. О праве собственности Норвегии на «государственные земли» Шпицбергена // Московский журнал международного права. № 3. 1994.

Зиладнов В.К. Единство экологического комплекса северных морей как основа сотрудничества Советского Союза и Норвегии в области сохранения и оптимального использования морских живых ресурсов. ВНИРО. Сборник научных трудов. М., 1989. 50 с.

Зиладнов В.К., Яник Л.В. Рыболовство Норвегии. М., 1979. 79 с.

Каламкьян Р.А. Эстония в международном праве. М., 2001.

Копылов М.Н. Международное экологическое право // В кн.: Международное право. Под ред. А.Я. Капустина. М., 2008.

Студенецкий С.А. Норвегия – Исландия. «Рыбная война» в водах Шпицбергена // Рыбное хозяйство. 2003. № 6.

Тимченко Л.Д. Государственная территория общего пользования: юридическая природа и правовой режим. На примере Шпицбергена // Московский журнал международного права. №3. 1997.

Фифе Р.Э. Предмет и цели Договора о Шпицбергене (Свальбарде) с точки зрения международного морского права // Московский журнал международного права. № 4. 2007.

Foster A. A. «The Svalbard Treaty: Disputes over Resources Management in the Barents Sea» (unpublished paper, 1998).

Lung-chu Chen. Introduction to Contemporary International Law. A Policy Oriented Perspective. New Haven and London, 1989.

Shaw M. N.. International Law, 4th ed., Cambridge University Press, 1997.

Vylegjanin A.N., Ziladov V.K. Spitsbergen. Legal Regime of Adjacent Marine Areas. Ed. and translated by W.E. Butler. Eleven International Publishing, 2007.

Contemporary Interpretation and Application of the Treaty of Spitsbergen of 1920 (Summary)

*Alexander N. Vylegjanin**

The article is a contemporary analysis in Russian legal literature of the legal regime of the Spitsbergen islands and the adjacent marine areas. The possible interpretations of the Treaty on Spitsbergen of 1920 and relevant rules of general international law are assessed, with special attention to different interpretations suggested by Norway and by other states-parties to the Treaty on Spitsbergen. The Treaty provisions of the “territorial waters of Spitsbergen” and the differences between this treaty mechanism and the traditional law of the sea institute – “territorial sea of coastal state” (of Norway in this case) are considered in detail. The claims of Norway on 200-miles zone and on continental shelf of Norway adjacent to Spitsbergen are considered against the background of the Treaty on Spitsbergen and relevant rules of bilateral agreements between Norway and the USSR/Russia.

Keywords: Treaty on Spitsbergen; sovereignty over Spitsbergen; subject to the Treaty stipulations; territorial waters of the territories; all maritime, industrial, mining and commercial operations; absolute equality.

* Alexander N. Vylegjanin – Doctor of Laws, professor, Vice-President of the Russian Law of the Sea Association. sopspravo@mail.ru.